

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ

Ведущий научный сотрудник
Института философии и права СО РАН,
доктор философских наук.
Новосибирск. Россия.

Главный редактор гуманитарного
альманаха «Человек.RU»

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

УДК 101.9

ПОЛ ФЕЙЕРАБЕНД: НЕПРИКАЯННЫЙ АНАРХИСТ

**Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00124
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»**

Аннотация. В статье дается рефлексивный анализ автобиографического опыта, представленного в автобиографии Пола Фейерабенда «Убийство времени». Выделяется специфика жанра и метода работы автора над собственной биографией. Показано, что данный опыт разительно отличается как от того, к которому привыкли европейские континентальные мыслители или отечественные философы, так и от того, который представлен в западной интеллектуальной традиции. Фейерабенд сознательно строил свой рассказ как «легкое чтение», сравнимое с комиксами, сценарием мюзикла и жанром stand-up comedy. Вместе с тем показано, что по мере рассказа меняется позиция самого рассказчика и меняется сама его интонация в сторону более личностных и духовных тонов и тем, касающихся изменения личности. Автора менее всего интересовали его собственные интеллектуальные поиски, а больше всего его занимали душевные привязанности и любовь к ближнему. Ради этой любви он и написал в сущности свою автобиографию, странным образом похожую на жанр покаяния неприкаянного безбожника-анархиста.

Ключевые слова: автобиография, Фейерабенд, наука, Поппер, анархизм, метод, эпистемология.

© Смирнов С. А. 2021

PAUL FEYERABAND: THE RESTLESS ANARCHIST

Sergey A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law SB RAS. Novosibirsk. Russia

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Abstract. The article provides a reflexive analysis of the autobiographical experience presented in the autobiography of Paul Feyerabend "Killing Time". The specificity of the genre and method of the author's work on his own biography is highlighted. It is shown that this experience is strikingly different both from that to which European continental thinkers or domestic philosophers are accustomed, and from that which is presented in the Western intellectual tradition. Feyerabend deliberately built his story as "light reading", comparable to comics, musical script and stand-up comedy genre. At the same time, it is shown that as the story progresses, the position of the narrator himself changes and his very intonation changes towards more personal and spiritual tones and topics related to personality changes. The author was least of all interested in his own intellectual pursuits, and most of all he was interested in emotional attachments and love for one's neighbor. For the sake of this love, he wrote, in essence, his autobiography, strangely similar to the genre of repentance of the restless atheist anarchist.

Keywords: autobiography, Feyerabend, science, Popper, anarchism, method, epistemology.

DOI: 10.32691/2410-0935-2021-16-150-180

*Я беспокоюсь о том, чтобы после моей кончины от меня что-то осталось –
не статьи, не окончательное философское заявление, а любовь...*

*Вот что мне пришлось бы по душе –
не интеллектуальное бессмертие, а бессмертие любви.*

Пол К. Фейерабэнд

Свою автобиографию Пол Фейерабэнд написал в самом конце жизни. После всех пережитых боёв и страстей, уже будучи смертельно больным, с неоперабельным раком мозга. Он завершает её в 1993, а в следующем году тихо умирает, дав название рассказу о своей жизни от первого лица как всегда в свойственном ему стиле, эпатажно и хлётко: «Убийство времени» [Фейерабэнд 2021].

Это одна из сквозных тем его автобиографии. Тема поиска себя в этом мире, своего места. Тема неприкаянного бедолаги-анархиста, всю жизнь задающегося вопросом – зачем он здесь, в этом мире? Тема человека, прожигающего, убивающего собственное время пребывания в этом мире, не способного его вернуть и обрести обетованное место. В западной социологии однажды был введён и термин для определения идентичности этих неприкаянных – убийцы времени (time killer), применяемый для тех, кто прожигает жизнь, число которых выросло как раз в 60-70 годы прошлого века. После студенческой революции в Сорбонне молодые люди успокоились, надели пиджаки и галстуки, пошли на работу, сели в офисах, а смысл жизни потеряли. Сейчас так стали называться и компьютерные игры.

Человек, будучи знаменитым и узнаваемым в научном мире, сознательно называет свою жизнь убийством времени. Это очередной эпатаж или открытие

ние, или горькое признание? Или всего-навсего попытка высказаться от первого лица, без посредников?

«<...> рассказ от первого лица, возможно, станет лучшим способом взглянуть на историю» [Фейерабенд 2021: 13].

Настроимся, послушаем этот рассказ от первого лица о собственной жизни. И коль скоро рассказ этот принципиально не системный, методологически не выстроенный, не предлагает сморщенного лба и насупленных бровей, умного вида и пристального взгляда, то и мы попробуем просто слушать автора, внимать и воспринимать его таким, каков он есть в своем рассказе, без прикрас и без косметики. Отдадим себя на волю рассказчика.

После четырех десятилетий преподавания в англо-американских университетах я почти забыл свою жизнь в третьем Рейхе, признаётся автор. Мои родители стали для меня уже чужими. Студенческие годы, за ними военная служба во Франции, Югославии, России и Польше. В итоге я стал тем «нервным оптимистом», которым по-прежнему остаюсь. Как вышло, что я стал интеллектуалом, даже профессором, с регулярным заработком, но с репутацией пройдохи и с чудесной женой? – спрашивает он себя [Фейерабенд 2021: 13–14].

Забегая вперед, скажем, что войну на восточном фронте, которая с нашей стороны считается священной, отечественной, он назвал военной службой. Ни слова про то, что это была агрессия, оккупация... Ни слова вины, ни тени раскаяния... Да, это не Ясперс. Впрочем, мы торопимся. Об этом эпизоде его биографии мы ещё поговорим.

Автобиография Фейерабенда написана им почти в духе американского комикса. Сам автор называет этот жанр коллажем. Как и свои книги он также создавал в жанре коллажа, в том числе и знаменитую «Против метода». Этакое легкое чтиво с картинками из жизни пройдохи, задаваки и анархиста, не признающего никаких догм и авторитетов, прозвавшего самого себя эпистемологом-анархистом. Это такая смесь легкого чтива с элементами откровенных признаний и размышлений, вовсе не похожая на интеллектуальный поиск или литературный роман, или на рефлексивный дневник, или на покаянные письма. Но после прочтения остаётся послевкусие – приходится признать, что редко, кто осмеливается писать так свою автобиографию. Одновременно легко и откровенно, задевая нервные места того дела, которому служил всю жизнь.

О нём сложилась легенда как об ужасном *enfant terrible*. В то время как это был ранимый, чуткий, любящий, обожавший музыку, оперу и театр, профессионально в нем разбиравшийся, способный сделать карьеру музыкального или театрального критика, или певца.

После его смерти на сайте его фонда разместили его голос. Предисловием к публикации были слова его супруги Грации Боррини-Фейерабенд:

«Все материалы взяты из личных записей, которые Пол прислал мне. Они никогда не предназначались для редактирования или прослушивания кем-либо еще. Я согласна выпустить их для этого компакт-диска, поскольку считаю, что Пол рассказывает чудесные истории, которые понравятся большому количеству людей, чем мне одной. Он прекрасно передает свою любовь к опере, театру, кино, а также уважение, сострадание, восхищение и чувство удивления, которые он испытывал ко многим людям» [PFF 2021].

Фамилия его символична. Его дед поменял гласную в фамилии – «і» на «у». Со старым вариантом і она означала «шабаш», «конец работы».

Всю свою жизнь Пол демонстрировал резко отрицательный вектор отношения ко лжи, фальши, лицемерию, любой форме догматизма и монологизма, предпочитая здоровый цинизм и скептицизм, будучи фактически ярким последователем античных скептиков и киников. Но если дело касалось любимых людей, он демонстрировал верх милосердия и любви. К себе же относился крайне пренебрежительно и с иронией.

Мать его покончила собой. Она дважды пыталась свести счёты с жизнью. На обратной стороне зеркала в спальне она написала: «Боже, помоги мне, я больше так не могу» [Фейерабенд 2021: 25].

Она ему часто являлась в его снах. Очень часто. Не раз ему снилось, что он женат на женщине старше его. Он занимался с ней любовью. Но без особого удовольствия и даже с отвращением. Это была его мать в одном из своих обличий.

Какой-то странный фрейдизм, помесь психоанализа с болезненной фантазией мальчика, потом юноши, потом взрослого мужчины, не изжившего страха смерти родной матери до конца жизни.

Он часто рассказывает о своих снах. Любит рассказывать, как ему приснились то отец, то мать, то бывшая жена, то родная квартира в Вене. Или вот он сам в странных местах или снова мать. Но уже в обличье его нынешней, последней любимой жены Грации. Уже в конце жизни он обнаружил в бумагах её записку, это было письмо его матери отцу. В ней были слова любви и желание покоя. И только теперь он почувствовал себя близким к ней, близким к той холодной и далекой, глубоко несчастной женщине, которой была его мать [Фейерабенд 2021: 27].

Он не помнит, как научился читать. Просто однажды он понял, что умеет читать. И дальше он становится просто заядлым книголюбом. Он не читал книги, он их пожирал. Уже в школе он читал Гете, Шиллера, Шекспира, Сервантеса. Он расхаживал по пригородам Вены в одиночку и разыгрывал сцены из прочитанных книг. У него были свои укромные уголки в городе. Он ходил туда-сюда, расхаживал часами и читал вслух целые куски, разыгрывая героев в лицах, вскоре уже зная наизусть первую книгу «Фауста». Уже в школе стал читать и философские тексты. Наткнулся на них случайно. В те годы в Вене все было также, как и в России, в той же Москве. Книги продавались не поштучно, а связками, на вес. Также связками покупала книги Марина Цветаева в начале 20-х годов. Она с собой водила свою дочь Ариадну. Та вспоминала, как её мама покупала на вес книжки в книжных развалах. Также было и в Вене. Книги почти ничего не стоили, продавались за гроши. В этих связках попадались самые разные книги. Так Пол купил Декарта и Платона.

Это символично. Книжки, продаваемые за гроши на вес, связками, в килограммах. Философов и поэтов продают на развес, в килограммах... Признак разрухи. Сколько весит Платон или Кант?...

Уже тогда в школе он самостоятельно усвоил первые уроки из классиков:

«Вскоре я осознал драматический потенциал убеждения и был очарован тем, какое влияние аргументы, как мне тогда казалось, могут оказывать на людей. Усвоив несколько страниц из «Размышлений» Декарта, объяснил

маме, что она существует только потому, что существую я, и что без меня у нее нет никаких шансов на бытие» [Фейерабенд 2021: 55].

Он был всеяден, поглощая литературные тексты тоннами и километрами без каких бы то ни было ориентиров. Например, мог припасть к трехтомнику по химии, но только потому, что у книжки была синего цвета обложка. Одного этого цвета было достаточно, чтобы увлечься предметом.

В целом, признаётся Фейерабенд, мои интересы были довольно «пестрыми и рассредоточенными, они таковы и сейчас» [Фейерабенд 2021: 55].

Он всю жизнь со своими интересами ко всему, что задевало его страсть, к литературе, к культуре в целом, к науке и философии, был «пестр и рассредоточен». То есть жаден и разнообразен. Это позволяло ему быть свободным в своей позиции относительно любой сферы деятельности, любой точки зрения, любой доктрины и концепции, любого автора и направления. Анархизм и личностная автономия были изначальными.

Поэтому его логика и методология, философия науки сочетались у него с пением, любовью к театру и опере, музыке, женщинам и другим весьма разнообразным формам жизни. Он принимал жизнь во всех её проявлениях.

Его можно назвать эстетом в выборе занятий и книг. Но эстетом не богемно-холодным, а страстным поэтом. Именно красота, изящество становились первыми фактором, заставляющими его интересоваться тем или иным предметом. В логике и философии его интересовала красота мысли, драматизм аргументации, магия убеждений, изящность логического хода. Не само по себе содержание, а форма, линия, изгиб мысли, тонкость доказательств.

«Я также понял, что крайне абстрактные концепции могли быть объяснены в неформальной манере, и попробовал проделать то же самое со специальной теорией относительности. В этом я не преуспел <...>. Я все еще помню возвышенное чувство, которое меня посетило, когда после многократного перечитывания я разобрался в дифференцировании функций комплексной переменной по условиям Коши-Римана» [Фейерабенд 2021: 57–59].

Перелопатив горы книг по литературе, физике, астрономии и прочим наукам, подросток решил, что к 15 годам он уже созрел для научных дискуссий. С этого времени у него вошло в привычку: прочитывая очередного автора, он пишет ему письмо (если автор ныне здравствует), в котором излагает существо дела и то, с чем он согласен или с чем не согласен. Так в 15 лет он ввязался в первый научный спор с одним из авторов, Йоханнесом Лангом, сторонником псевдонаучной теории полой земли. Стремясь бороться со лженаукой, он написал автору о своём возмущении. Что удивительно, но он получал ответы от своих корреспондентов. Так сложилась в итоге многотомная переписка Фейерабенда со многими учеными XX века.

В автобиографии почти половина воспоминаний – не о науке, не о философии, не о логике и методологии, не о научных спорах. Его автобиография – это не продолжение научного поиска, как это явно выражено в автобиографии К. Поппера, которая так и называется – «Неоконченный поиск» (Unended Quest) [Поппер 2014]. Фейерабенду интересно всё и поэтому в его истории богато представлены воспоминания о его занятиях пением, увлечении музыкой и театром, о том, как он писал сценарии для постановок, о том, что чуть ли не стал профессиональным певцом. В школе параллельно поглощению книжек

он начал заниматься пением. У него был сильный и чистый альт. Он пел в хоре мальчиков. Слушая арии по радио, он старался их запомнить. Услышав особенно любимую арию или песню, старался найти потом текст и затем пел её день за днем. Это приводило соседей в исступление. Он ведь пел во весь голос на весь дом!

Будущий анархист был заядлым театралом, меломаном и любителем всех и всяческих культурных премьер. Их он также пожирал, как и книги. Он даже успел перед войной поступить в музыкальную академию. Он выдержал вступительные испытания и был принят.

Он даже сравнил два умения – петь и размышлять.

«Учиться петь – совсем иное, чем учиться размышлять, хотя есть и некоторое сходство. Для того и другого есть учебники – партитуры опер, месс, ораторий в одном случае, учебники, статьи, лекционные заметки – в другом. Вы можете учиться у тех, кто преуспевает. Но голос и мозг – не одно и то же. Столкнувшись с пока непосильной для него задачей, мозг смущается, не понимает, но остается в хорошем рабочем состоянии <...>. Голос, используемый таким же образом, дрожит, слабеет и пропадает. Сотни талантливых артистов потеряли голоса, когда пели партии, слишком сложные для их способностей или для их стадии развития. Математический гений, хотя и требует некоторой тренировки, может с ходу брать за самые сложные задачи. В этом случае нет необходимости «расти». Певец должен ждать. В двадцать лет он или она не может петь то, для чего нужно десять лет физической, музыкальной, духовной подготовки. Это потому, что пение задействует тело в целом – не только легкие, мозг и диафрагму» [Фейерабенд 2021: 65–66].

Фейерабенд фактически профессионально разбирался в пении и музыке. Но радикально был не прав, полагая, что человек мыслит мозгом и что математический гений уже сразу может браться за сложные задачи. Человек мыслит всем существом. Это знали и древние греки. То есть мыслит личностной органикой, которую тоже пестует посредством духовных практик заботы. Впрочем, это различие, приведённое Фейерабендом в конце жизни, к нему самому не вполне относится. Поскольку он-то мыслил так же, как и пел – страстно, с воодушевлением, бросаясь на оппонента так, как будто шел в решительный бой.

Эта странная война

Войне посвящена отдельная глава. Написана она странно. Как-то непривычно спокойно, без страсти, перемежая рассказ будничными эпизодами.

Так же чувствуется, как и у Ясперса, ненависть одинаково к обоим режимам – и Гитлера, и Сталина. Как будто два тирана столкнулись, а мы, простые люди, попали в эти жернова. Поэтому нападение Германии на СССР не воспринимается до сих пор Фейерабендом как нечто из ряда вон выходящее, страшное, как агрессия и оккупация.

Пол приводит характерные зарисовки того времени – времени всеобщего безумия. Когда философ Хайдеггер вдруг говорит своему другу-оппоненту Ясперсу о том, что образование не имеет значения, посмотрите только на его удивительные руки, с умилением говорит философ. На руки фюрера [Ясперс 1992: 142].

Молодой австриец был таким же, как все. Может не таким ослеплённым. Но таким же участником этого всеобщего помутнения сознания. Задним числом он вспоминает о периоде тотальной манипуляции толпой, которая сама желала быть ослеплённой. Вот впечатление молодого австрийца Фейерабенда, слушающего о событиях по радио.

«Многие австрийцы следили за его (Гитлера – С.С.) восхождением к власти в Германии и слышали его речи по радио. Это были события с отличной хореографией. Известный диктор описывал место, где происходило собрание, количество человек в зале, кто из политических и культурных лидеров присутствовал <...>. Этот перечень был длинным <...>. Военные оркестры играли известные мелодии. Они останавливались, начинали играть снова, умолкали опять и снова играли – Гитлер никогда не был пунктуален. Внезапно начинали играть “Баденвайлер Марш”, любимую мелодию Гитлера. Издалека слышались воодушевленные крики, этот гул приближался и становился все громче, пока вся аудитория не сливалась в один ревущий от восторга голос. Следовали одна или две речи – говорили Геббельс, Гесс, Геринг или местные нацистские боссы, а затем наконец Гитлер. Он начинал медленно, словно сомневаясь, тихим, но пронизывающим тоном: “Volksgenossen and Volksgenossinen”! – “Братья и сестры по нации”! Многие люди, старые и малые, мужчины и женщины, в том числе и моя мать, были заворожены этим голосом. Лишь прислушиваясь к этим звукам, они уже были околдованы. “Я любил Гитлера”, – пишет в своей автобиографии Ингмар Бергман, рассказывая о годах, когда он был юн и приехал в Германию по студенческому обмену. “Единственное лицо в безликой толпе” – это отзыв Хайдеггера. “Он феноменален – как жаль, что я еврей, а он – антисемит”, – сказал Джозеф фон Штернберг, открывший миру Марлен Дитрих в “Голубом ангеле”. <...> Гитлер упоминал местные проблемы и достижения, шутил, и иногда – довольно удачно. Постепенно его интонация менялась; говоря о трудностях и отставаниях, Гитлер увеличивал одновременно скорость и громкость речи. Эти взрывы – единственные части его речей, которые известны всему миру, были тщательно подготовлены, хорошо поставлены и повторялись более спокойно после того, как проходил эмоциональный пик. Они были продуктом контроля, а не гнева, ненависти или отчаяния – по крайней мере в то время, когда Гитлер был еще в хорошей физической форме и держал события в узде» [Фейерабэнд 2021: 69–71].

Что же сам молодой Пол? Он-то как воспринимал все эти спектакли? Как он жил? Как он осознавал себя в то время, среди всех этих событий? Масштаб происходящего сейчас кажется значимым и эпохальным. А тогда простому обывателю они казались обыденными, очередными эпизодами. На удивление, здесь цепкость и зоркость Фейерабенда относительно тех событий ему изменяют. Точнее, они ему кажутся какой-то внешней помехой. О многом, что происходило тогда, он узнал, по его словам, позже, после войны – из статей, книг. Он, бедняга, не знал! У него, видите ли, не было возможности оценить происходящее, не было понимания смысла ситуации, он что-то помнит, может описать те или события, но оценить их он тогда не мог.

Бедный малый! Ну, ладно, ты тогда не мог оценить события (во что трудно поверить, малому не пять лет, а в 1942 году он идёт в армию). Но сейчас-то что?

Сейчас-то ты как оцениваешь? Странно слышать от интеллектуала слова о незнании, неведении. Он ходил по улицам и всё видел. Но судьбоносное для Австрии событие, аншлюс 1938 года, он никак не переживал. Он просто пошёл гулять, а вокруг были толпы восторженных зевак, ожидающих приезда фюрера. А он, молодой парень, не ждал. Все происходящее как-то странно проходили мимо него.

Все эти события были для него такими же странными, чужими, как, например, приезд цирка, как выступления уличных жонглеров в более ранние годы. И ему никогда не приходило в голову задавать какие-то сложные личные вопросы относительно смысла происходящего. Идея о том, что судьба отдельного, другого человека как-то связана с моим существованием, не приходила мне в голову, она была совершенно вне поля моего зрения, замечает он [Фейерабенд 2021: 78].

«Для меня немецкая оккупация и война, которая последовала за ней, были неудобством, а не моральной проблемой, и мои реакции были произвольными от случайных настроений и обстоятельств, а не результатом ясного взгляда на мир» [Фейерабенд 2021: 72].

Для него, рано ставшего нечто вроде автономной монады, летающего по сугубо своей траектории жизни, война была неудобством, внешней помехой, которая мешала жить и заниматься своими личными делами. Он её не воспринимал как вызов и годину великих испытаний для него и его Родины. Как будто таких смыслов и слов в его лексиконе вообще нет! Какое-то странное отключение сознания. В других случаях, касающихся сугубо личных страстей и интересов, он был более придирчив и зорок, причём ещё с подросткового возраста. А вот война, и, заметим, его личное участие в боевых действиях на восточном фронте, были для него помехой, а не испытанием и не моральной проблемой.

Каков же критерий выбора отношения к происходящему? Что привлекает его? Этот гуляющий сам по себе одиночка, по его признанию, цеплялся за все странное и непривычное. На фоне серости «Mein Kampf» Гитлера стала для него ярким пятном. Что мною двигало тогда? – спрашивает Фейерабенд. «Это была склонность (которая все ещё со мной) принимать самые странные взгляды и развивать их до крайности. Меня очень тронули первые страницы книги Розенберга “Миф XX века”; я почти ощущал прилив национальной крови и силу Всеобщего, которая породила этот труд» [Фейерабенд 2021: 73–74]¹.

Удивительно. Нацизм явился ему просто еще одной странностью, к которой он проявил свой интерес. Как будто это какой-то экзотический вид растения, к которому он, как ботаник, испытывает исследовательское любопытство. И ни слова про нравственные муки, угрызения совести, про экзистенциальные или хотя бы психологические проблемы, про покаяние, сомнения... Ничего этого нет. Даже намек нет на покаянную интонацию. Как будто он вышел на улицу и встретил нечто интересное, любопытное. И жизнь вся – такая веселая прогулка, в которой иногда встречаются интересные эпизоды. Про них и можно рассказать. И ни слова вины. Для Ясперса, например, сам факт происшедшего вынудил его самого признать себя виновным уже в том, что произошло. И поэтому он пишет книгу «О вине» в 1946 году [Ясперс 1999].

¹ Альфред Розенберг – один из главных идеологов фашистского рейха. Рейхсминистр восточных оккупированных земель. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

А при разговоре о своих увлечениях и интересах относительно нацизма – всё те же слова, как у всех – про зов крови, прилив сил. Как будто мы слышим опять Гитлера или речи философского фюрера Хайдеггера, его призывы времен 1933 года к студентам и профессуре [Хайдеггер 2003].

А на поверку – пустая юношеская слепота, которую молодой недоросль испытывает, ослепнув от огня неоязыческих ритуалов:

«Примерно в то же время я думал поступать в СС. Почему? Потому что эсэсовец выглядел лучше, лучше говорил и двигался красивее, чем простые смертные; эстетика, а не идеология была моим мотивом. (Я помню сильное эротическое чувство, которое я испытал, обсуждая эту тему с моим сослуживцем)» [Фейерабенд 2021: 74–75].

Это всё понятно и знакомо. И вполне объяснимо. Парады, марши, красивая форма... Но категорически не приемлемо! Мы ведь обсуждаем не законы физики и не правила грамматики. И не интеллектуальные головоломки из учебника по логике. Эти вещи Пол обсуждать был мастак. Мы-то говорим о нравственном выборе, ответственности человека за поступки. Война – это что, приключение? Мы не увидим на этих страницах ни слова про нравственные муки. Ну, так, приключения, как будто человек пришёл в парк аттракционов и стал качаться на качелях-каруселях. И испытывать разные восторги от головокружительных полетов. Так и на войне, во время боев:

«<...> меня просто-напросто охватывал восторг: всполохи на горизонте, стрельба, неясные голоса, самолеты, атакующие с воздуха, и танки, нападающие по земле, – это было похоже на театр, и я вел себя соответственно. В одном из таких случаев я получил Железный крест, в трех других – пули: одну в лицо, одну в правую руку и еще одну в позвоночник» [Фейерабенд 2021: 75].

Вот такая прогулка. И ни слова про грязь, кровь, трупы, смерть, страх. Ходил ли он хоть раз в атаку под градом пуль? Сидел ли он в окопах во время бомбежки? Хотя последствия этой прогулки были весьма драматичны – всю жизнь он потом ходил на костылях или с тростью. Плюс ко всему испытывал проблемы с нервной системой. Вдобавок просто стал импотентом. Пуля в позвоночнике повредила нерв.

Кое-что он, конечно, знал о событиях. Что-то знал о «вторжении в Россию». Этого нельзя было пропустить – об этом передавали по радио каждый день. О Пёрл-Харборе ничего не знал. И вообще, бóльшая часть событий войны ему не запомнилась – «я попросту не испытывал любопытства».

Странное отношение. Как будто война – это такой интересенький научный эксперимент, требующий любопытства. Как будто её надо тоже изучать как природный феномен.

По окончании школы в 1942 году его призвали сначала в трудовую школу. А в 1943 он сам записывается добровольцем в школу офицеров. И не потому, что хотел воевать. Так, ради новых приключений и предположения, что война скоро закончится.

На войне узнал о самоубийстве матери. Мама умерла 23 июля 1943 года. Когда ему сообщили эту новость, он ничего не почувствовал. Он приехал на пару дней на похороны матери и потом сразу уехал. А вокруг люди шептались, почему это он такой холодный и равнодушный, так спокойно отнёсся

к смерти матери. А сам Пол задним числом никак этого не объясняет. Как будто он одеревенел и вёл себя как сомнамбула, как заведённая машина.

И вновь – события войны. Он вернулся на фронт. 11 декабря 1943 года он впервые участвует в боевых действиях. Но вновь – как машина. Послали туда, приехали туда, побежали, прибежали, залегли, снова побежали, потом засели в окопах, снова побежали, снова повезли, приехали, стреляли, убежали... Воспоминания отдают каким-то странным холодом машинного пересказа. Как будто рассказывает не живой человек, а машинка, которая что-то помнит, а что-то не помнит. В большинстве своём – не помнит: «Из того, что произошло потом, я снова помню лишь отрывки» [Фейерабенд 2021: 83].

А если не помнит или помнит лишь отрывки, значит не было потрясения. Не было переживаний. Через себя не пропустил. А потому и не запомнил. Этакий бравый солдатик Швейк, ушедший на войну как на прогулку. А потому и помнить как бы нечего. А воевал ведь не две недели. Почти три года! Он в неё вошёл – и вышел. И никак не изменился. Миллионы людей война перемолола в своей мясорубке. Этот-же – как будто съездил просто в длительную командировку.

В октябре он стал ефрейтором, в апреле 1944 – сержантом и младшим лейтенантом, а в конце того же года – лейтенантом. Так сказано в его военной книжке. Но в собственной памяти на этом месте – прочерк, признаётся автор.

Вот одно из редких описаний военных будней. Оно настолько обыденно и спокойно, что оторопь берет.

«Маршируя по сельской местности, мы взрывали каждый дом, который попадался нам на пути; мы клали заряды в стратегические точки, зажигали фитиль и мчались прочь. Мы спали на печках, с ружьем, противогазом, кортиком и боеприпасами под боком. Печи бывали еще теплыми – потому что жители покинули дом всего несколько часов назад. Мы слышали артиллерию и видели вспышки огня, но никогда не встречали ни одного русского солдата. Гражданские тоже не попадались, за исключением двух случаев. Однажды я видел, как здоровенный пехотинец заталкивал женщин и мужчин в погреб – это было в двух сотнях метров от меня, – затем бросил им вслед гранату. “Зачем он это сделал?” – спросил мой сосед. В другой раз какой-то злобный коротышка выстрелил гражданскому прямо в голову. Эти происшествия не шокировали меня – они были слишком странными, однако они остались в моей памяти, и теперь при воспоминании о них меня бросает в дрожь» [Фейерабенд 2021: 84–85].

Почему этот интеллеktуал, много позже пишущий о том страшном времени, подбирает именно эти слова? Происшествия, которые не шокировали его... Это что? Отсутствие чувствилища? Атрофия органа понимания, сочувствия, соучастия? После нашей отечественной военной прозы такие строки кажутся просто кощунством, издевательством. Одно дело – каков он был тогда, молодой и трусливый. Впрочем, железный крест он всё же заработал, командуя своим подразделением. А дальше что? Одного того приведённого им эпизода уже достаточно, чтобы тебя вывернуло наизнанку. А он пишет так, как будто идёт зевакой и замечает разные приглянувшиеся ему случаи и происшествия.

Гораздо подробнее он описывает свои тогдашние рассуждения, весьма напыщенные и псевдофилософские размышления, упоминает Ницше, приводит

цитату из своих записных книжек тех военных лет, что, мол, война – великий учитель, она проявляет сущность характера, многие наносные черты исчезают... И сам же с высоты прожитых лет оценивает – что за странная смесь подлинных чувств и пустой болтовни, милый мой! [Фейерабенд 2021: 92].

Один из немногих намеков на то, что в нём все же как-то говорит совесть, это его пересказы собственных снов. Они часто присутствуют в его рассказе. Так и здесь. Все те события возвращались к нему в его снах. Но вот сражений, боёв в снах нет. Но к нему всё же приходила его Вина, хотя и в снах, в преображенном виде. В образах родителей, в собственном образе, который его самого во сне будто бы задушил:

«Однажды я даже задушил самого себя, лежавшего на кровати прямо передо мной, а затем принюхивался к телу, пытаюсь уловить запах разложения» [Фейерабенд 2021: 96].

Да, это похоже на сновидение постоянного пациента З. Фрейда. Это к нему в снах приходила его Совесть в его собственном обличье, его alter ego. Ночью, когда разум спит. А днём он не позволяет себя трогать, будоражить, мучить нравственными борениями.

Просыпаясь, он гнал вину от себя, не считая себя военным преступником, оккупантом, агрессором, убийцей. Он ведь не совершил никакого военного преступления, то есть не вешал, не расстреливал мирных жителей, не сжигал в печах узников в концлагере. Он просто был солдат, пошедший на войну, как это и было всегда. Этаким очередной brave boy, как и во времена Наполеона. Красивая форма, ментики, кивера... Как все военные, особенно офицеры, дворяне, считавшие военную службу своим долгом по служению Отечеству, как необходимое и неизбежное событие, на котором надо вести себя достойно, не уронить чести мундира, чтобы потом тебе за твои подвиги и доблесть надели на грудь красивый орден. Как полагается, в общем. Все же всегда воювали. Вот и теперь. Очередная война. И она пройдет. И мы вернёмся к своим женщинам, детям и родителям. Нас будут встречать цветами и фанфарами, награждать, кричать «Ура!». Погибших с почестью похоронят, и жизнь потечёт дальше, как ни в чём ни бывало, до следующей войны.

И ни слова в его речах о том, какую же войну он вёл? Во имя чего? Во имя каких идеалов? Что, кого он защищал? Он защищал свою Родину от агрессора? Он защищал свою мать, отца от оккупантов? Он совершал священную месть за гибель близких? Где та страсть и огонь, который жжёт тебя изнутри от одной мысли, что твоих детей и женщин расстреляли, сожгли, сгноили в лагере? По поводу какой трагедии стучит пепел в сердце героя? Не слышно. Не стучит. Не горит. Он вообще хотел забыть свою странную войну.

«Мои злоключения в армии – с 1942 по 1945 – были чем-то вроде разрыва или нелепицы, и я забыл о них, как только все это закончилось. Вскоре я даже не мог вообразить, что когда-то был рядовым, затем лейтенантом, а после командовал целым батальоном, бегая взад-вперед по русской сельской местности. Был ли это сон? Неужели это было на самом деле?» [Фейерабенд 2021: 195].

Война как разрыв, нелепица... В его речи ни слова, ни грана попытки понять, что эта война не просто преступление, это катастрофа, вытолкнувшая всех за ту черту, после которой уже никакие рассказы о ней не имеют смысла.

Потому что в печах Освенцима были сожжены все представления о добре и зле. И после неё мыслить и действовать, жить, чувствовать, рассуждать так, как будто ничего не случилось, просто невозможно. Потому что Война и Лагерь всё сожгли, все эти человеческие представления, уловки, компромиссы, хитрости, лазейки, с помощью которых человек ещё пытается спрятаться и обхитрить и Бога, и самого себя. Но такого допущения Фейерабенд не позволяет себе делать. Он до этого даже не додумывается. Для нас эта война была великой и священной. Для него – очередным походом, приключением, каким-то смешным «переполохом», «нелепицей». Он между боями находил время что-то почитать. Не помнит даже, чтобы он тогда был чем-то встревожен, наоборот, всё задавался вопросом – откуда весь это переполох? [Фейерабенд 2020: 96]. Походил, побегал, пострелял, почитал книжку, снова побегал, снова пострелял, снова почитал книжку. Ну, да, военные будни. Так и прошла для него эта странная война.

«Во времена нацизма я не обращал особенного внимания на общераспространенные разговоры о евреях, коммунизме и большевистской угрозе; я не принимал этого и не отвергал; все это просто пролетало мимо ушей и, как мне казалось, на меня не действовало» [Фейерабенд 2021: 96].

В сущности, это всё, что он в итоге может сказать о своей войне. Такой странной войне, говоря его словами, но от этого не менее жуткой. Потому что этот повествовательно-холодный стиль рассказа – не литературный прием писателя, а рассказ участника и свидетеля от первого лица, не предполагающий создания формы, дабы произвести впечатление на читателя. То есть это – та правда его душевной жизни, устроенной как-то иным способом, отличным от того, к которому привыкла душа русского человека.

Он узнал о конце войны, находясь в госпитале после тяжелого ранения, в результате которого (пуля попала в позвоночник) он всю жизнь с 1946 года ходил на костылях и стал импотентом, против чего пытался потом лечиться, чтобы иметь детей от своей жены Грации.

«Я сидел в коляске, в саду. Я испытал облегчение, но и утрату. Я не принимал целей нацизма – я едва знал, в чем они заключаются, – к тому же я был слишком склонен противоречить всему и вся, чтобы хоть к чему-то испытывать лояльность. Но не чувствовал я предательства по отношению к себе или что мной злоупотребляли, как чувствовали себя в сходной ситуации многие ветераны Вьетнама» [Фейерабенд 2021: 100].

Вот так. Бывший солдат вермахта не чувствует ничего такого, что связано с угрызением совести. Он даже почувствовал нечто вроде утраты. Ему нравилось быть на войне. Он, конечно, сожалеет о миллионах жертв. Он понимает, что ненависть, презрение и даже справедливость – законные чувства по отношению к идеям и действиям, которые привели к этим жертвам. Да, признает Фейерабенд, эти чувства правильные. Но «распределение добра и зла не такой уж простой вопрос, по крайней мере, для меня». Он рассуждает о добре и зле так, как будто решает арифметическую задачку! Он все нравственные вопросы готов разрешать так же, как разрешал задачи по математике и физике, сводя их к схемам решения головоломок. Чтобы решения эти не были бы логически противоречивы.

«Сострадание, бескорыстность, любовь могут обнаружиться даже в самом сердце зла. Я не понимаю, почему так должно быть, но совершенно уверен, что это факт. Однако если мир действительно устроен таким образом, то ясное нравственное зрение требует упрощений и, вместе с ними, жестоких и несправедливых действий» [Фейерабенд 2021: 101].

Смутный отрывок. Он что, оправдывает нацизм? Войну? Мол, мы, солдаты вермахта, всё делали правильно, хотя это было и жестоко? Мы совершали жестокие действия, но это было правильно?

Университет. Начало

После некоторых странствий, пребывания в госпитале, проживания в Веймаре (где он умудрился поступить в музыкальную академию), он в итоге возвращается в родную Вену. Отец был ещё жив.

В ноябре 1946 года он проходит проверку университетской комиссии по этике на предмет наличия или отсутствия военных преступлений. Таковых не казалось, и он был принят без предварительных условий.

*«Я не вступил в партию и не участвовал в каких-либо преступлениях. Я не могу похвалиться этим – просто не представился случай. Не знаю, что бы я сделал, если бы мне предложили стать **Parteigenosse** или приказали убивать гражданских» [Фейерабенд 2021: 112].*

Что же, сказано хотя бы честно. Случай не подвернулся. А мог бы и подвернуться? Но вот повезло. Славное начало. Бывший вояка свободно поступает в университет без всяких экзаменов. Ему назначают ещё и ежемесячную пенсию. В итоге – он студент. На 3-5 лет старше однокурсников. И погружается в кипучую студенческую жизнь. Здесь его жадность и всеядность вновь празднуют победу. Он пожирает книги, курсы, лекции, а после занятий погружается в кипучую культурную жизнь: посещает дискуссии о политике, современном искусстве, о существовании Бога, о последствиях научных открытий для теологии, берёт уроки актерского мастерства, занимается вновь пением, ходит на концерты, в оперу, драматический театр...

Да, такое ощущение, что он на войне как бы и не жил, а перемещался как некое тело с ружьем, как машина, туда-сюда... А теперь он вновь ожил и вновь стал пытливым, жаждущим, страстным Полом, принимающим жизнь во всё её многообразии.

Но жизнь продолжается. Фейерабенд как вошёл в войну, так из неё и вышел, правда, с некоторыми известными нам издержками. Но душевного метаморфоза мы не заметили.

Он продолжает глотать всевозможную литературу. Среди его авторов такие, как Кант с его тремя Критиками и «Пролегоменами», Кьеркегор, Томас Манн. Оглядываясь назад, он сам признаётся, что он был везде, во всех местах, где было что-то интересное, и всех задирает, устраивая страстные споры. Ходил на семинары по социологии, по философии, по теологии, ввязался в спор со священником по поводу существования бога. Он допускал, что вера в бога возможна, но вот попытки доказательств его существования обречены на неудачу, поскольку они не имеют под собой научного основания. Выступал на семинаре, ставшем студенческим продолжением Венского кружка. Не все могли терпеть его выходки. Один философ просто вышвырнул его с одного из семинаров. Он стал известен во всевозможных научных и художественных кругах.

Но самое интересное и значимое для него произошло в Альпбахе. В местечке Альпбах в Тироле с 1945 года и далее ежегодно собирался форум, нечто вроде Давоса. Только форматы в Альпбахе были гораздо более разнообразны. Он шёл в течение трех недель. На нём собирались ученые, философы, политики, бизнесмены, экономисты. Форум собирается до сих пор². Там мэтры читали лекции, вели со студентами семинары, мастерские, проводили конференции. Форум был основан Отто Мольденом, активным участником австрийского движения Сопротивления. Однажды туда пригласили и Фейерабенда. Это было весьма интенсивное и знаковое событие в европейской интеллектуальной и художественной жизни. Слушатель очередной летней школы в рамках форума мог за обедом встретиться с Бруно Крайски, Полем Дираком, Артуром Кёстнером, Фридрихом фон Хайеком, Карлом Поппером и др.

Фейерабенд посещал Альпбах пятнадцать раз, с 1948 года. Сначала как студент, потом как лектор, а трижды – как руководитель семинара. Там он и познакомился с К. Поппером. Двадцать профессоров представляли свои семинары. Все были скучны. Из них Фейерабенда заинтересовал именно Поппер, его работу «Logik der Forschung» он предварительно уже просмотрел. Чтобы развеселить и задеть публику, Поппер так и начал: «Если под философами вы имеете в виду одного из господ, которые заведуют кафедрами философии в немецких университетах, тогда я точно не философ» [Фейерабенд 2021: 127]. Тамошних присутствующих философов это не обрадовало, но нас, студентов, пишет Пол, это позабавило. Его выступление было довольно бодрящим.

Его разнообразная активность и всеядность настолько далеко выталакивала его на разные траектории, что однажды через своего друга он познакомился с Б. Брехтом и тот был готов взять Пола в помощники режиссера в свой театр. Но тогда надо было ехать в Берлин. Он отказался и остался в Вене. В какой-то момент он подумал, что совершил величайшую ошибку в своей жизни. Если бы он стал помрежем и пошёл дальше по линии театра, мы бы не узнали автора «Против метода». За увлечением театром и оперой стояла его страсть искать новые форматы общения, новые виды коммуникаций для философии, не только в виде написания текстов. Но ему были противны коллективные тусовки, особенно в театральной богеме.

Постепенно он обтесался, и жена его друга смогла констатировать, что Пол постепенно превращается «из машины по производству споров в некое подобие человеческого существа» [Фейерабенд 2021: 131].

Еще в студенчестве он стал нечто вроде старостой нового научного кружка, руководителем которого был Виктор Крафт, тот самый, член Венского кружка, написавший потом его историю [Крафт 2003]. В. Крафт, по словам

² См.: <https://www.alpbach.org/en/>. Необходимо добавить, что подобные форумы и летние школы и лагеря с некоторых пор становятся под видом проведения образовательных и просветительских программ местом вербовки пятых колонн в разных странах под руководством американских и британских инструкторов при финансовой поддержке таких фондов, как Фонд Сороса («Открытое общество») или Фонд Макартуров и др. В этой связи деятельность этих фондов запрещены в России. Мир тесен. Название соросовского фонда навеяно названием книги Поппера, учеником которого считал себя Дж. Сорос. Получается, что косвенно Фейерабенд в Альпбахе участвовал в идеологической обработке молодых умов, разумеется, из благих побуждений – в борьбе против тоталитаризма, за демократию и свободу.

Фейерабенда, предвосхитил ряд идей Поппера, которые почему-то приписывают последнему. Так зародился кружок Крафта, студенческая версия старого Венского кружка. Фейерабэнд и здесь был весьма активен. Он изучил ранние выпуски журнала «Erkenntnis», сделал по этому поводу ряд сообщений. И также, как члены Венского кружка 20-х годов ждали встречи с Л. Витгенштейном, штудировав его «Трактат», также и эти молодые люди, члены кружка нового поколения, мечтали позвать мэтра к себе на семинар. Однажды как раз Витгенштейн был в это время в Вене. Пол решил этим воспользоваться.

«Я отправился в семейную резиденцию Витгенштейнов <...>. Прихожая была большой и темной, с черными статуями, стоявшими в нишах по всему залу. “Чего изволите?” – спросил бесплотный голос. Я объяснил, что пришел к господину Витгенштейну и хотел бы пригласить его на заседание нашего кружка. Последовало долгое молчание. Затем голос – это был мажордом, говоривший из маленького и почти незаметного окошка, располагавшегося на большой высоте – сообщил: “Господин Витгенштейн слышал о вас, но он не может вам помочь”» [Фейерабэнд 2021: 134].

Но этого властителя дум они-таки на семинар звали. По совету Элизабет Энском, также участницы кружка, он написал тому письмо, в котором были и такие слова: «Мы – группа студентов, обсуждаем простые утверждения, и мы зашли в тупик; мы слышали о вашем приезде – возможно, вы могли бы нам помочь» [Фейерабэнд 2021: 134–135]. Витгенштейну письмо понравилось: «Я получил довольно милое письмо», передаёт его слова Элизабет Энском, его ученица, с которой Фейерабэнд был в приятельских отношениях³. Она, ученица Витгенштейна, знала к нему подходы и вела осторожные переговоры.

В общем, гуру пришёл, правда, опоздал на целый час. Фейерабэнд делал доклад, начав рассказывать, чем они занимаются на кружке. Увидев Витгенштейна, Пол заметил про себя: «Его лицо похоже на сушеное яблоко». Витгенштейн долго слушал, потом категорически выразил свое несогласие со всем содержанием. Ретивые кружковцы его перебивали, задавали вопросы. Студенты были пытливы и не признавали авторитетов. Правда, они ни до чего не договорились. Но это уже не важно. Из таких встреч и состоит собственно духовная биография философа. Внешне это похоже на очередной разговор. Внешне мы все о чем-то с кем-то и когда-то разговариваем. О погоде, о женщинах, о политике, о марках вин, о прочитанных книгах, о вчерашней попойке с друзьями, об очередном скандале и ругани с начальником на работе и т. д. Но иногда мы ведём особые разговоры. Вот и здесь. Разговаривают люди о видах суждений, об основаниях научных исследований и много ещё о чём.

И что в итоге случилось? Вроде бы ничего особенного. И какое это всё имеет отношение к жизни? К философии? К смыслу и простым вещам, из ко-

³ Элизабет Энском (Gertrude Elizabeth Margaret Anscombe 1919-2001 гг.), представительница аналитической философии, ученица Витгенштейна, автор работ по проблемам интенциональности, автор книги «Современная моральная философия» (1958). После смерти Витгенштейна активно занималась переводом и изданием его работ на английском языке, в том числе работы «Философские исследования». Хотя Пол не вполне уважительно отнесся к тому, как Энском рассказывала на их кружке о философии Витгенштейна. Ее выступление успеха не имело: «Мы сочли, что это весьма не вдохновляющая разновидность детской психологии» [Фейерабэнд 2021: 134].

торых эта жизнь и строится? Имеет, такое же, как и споры о марках вин или о женщинах. Потому что всё это – ткань повседневной жизни и среды обитания. Если лишить людей разговаривать о том, чем они заняты, чем озабочены, то исчезнет и всё остальное, исчезнет и сама жизнь.

В 1949-1951 г. г. Фейерабенд отправился в свои первые заграничные поездки (будучи ещё студентом!). Их оплачивала «Австрийская высшая школа». Он побывал в Дании, Швеции, Норвегии, в тамошних университетах и летних школах. Встречался и говорил с Луи Ельмслевом, Нильсом Бором. Постепенно он вырабатывает свой неповторимый стиль жизни – бесконечные поездки, встречи, снова поездки, встречи, лекции, авторские спецкурсы в разных университетах, снова встречи, снова поездки... Постепенно формируется этот ранее не привычный, странный образ этакое мобильного трансфилософа, перемещающегося между Америкой, Великобританией, Австрией и Новой Зеландией, в результате чего как-то так сложилось, что его нельзя назвать представителем какой-то национальной философской школы или какого-то научного направления. Он так и стал самим собой, Полом Карлом Фейерабендом.

В 1951 году он защищает диссертацию, становится доктором философии (PhD). Примечательно, как он описывает сам способ создания диссертации. У него сохранились конспекты с семинаров на кружке В. Крафта. В них была изложена довольно содержательная аргументация, из которой можно было выстроить вполне связный текст. В итоге экзамены были сданы. Он подаёт документы на британский грант, желая продолжить обучение в Англии под руководством Витгенштейна в Кембридже. Но тот умирает той же весной⁴. Надо было выбрать другого руководителя. И Фейерабенд выбирает Поппера. А осенью 1952 года он уезжает в Англию.

Заметим, он выбрал первоначально Витгенштейна, парадоксального мыслителя, скандального, как и он сам. Но пришлось выбрать амбициозного, но скучноватого и слишком правильного Поппера. Было бы весьма любопытно, как бы сложилась учеба задиры Фейерабенда у такого же задиры Витгенштейна. Но судьба распорядилась иначе.

Карл Поппер

Как быть студентом у Поппера – и не стать попперианцем? Ответ на этот вопрос и продемонстрировал Фейерабенд.

По приезде того в Англию Поппер сразу же спросил его: «Какие у Вас планы?». Фейерабенд ответил, не задумываясь: написать рецензию на только что прочитанную им книжку по квантовой механике, в которой есть глава по физике и глава по философии (анализ концепции Нильса Бора). На этом они расстались и с тех пор Фейерабенд видел Поппера два раза в неделю – на лекции и на семинаре, который он вёл.

Это весьма забавно. Как-то у них всё так легко выходит. Если бы, скажем, я пришёл на встречу со своим научным руководителем и обсуждал не программу своего научного исследования, а то, что собираюсь просто написать рецензию на только что прочитанную книжку (не важно, какую), то он бы меня послал.

Здесь же всё как-то намного проще и не навязчиво. Во всяком случае таким выглядит рассказ автора.

⁴ Л. Витгенштейн скончался 29 апреля 1951 года от рака простаты.

Впрочем, некоторое время Пол всё же испытывал влияние Поппера, особенно его идеи фальсификационизма. Он, Поппер, брал простотой аргументации.

Вот как начиналась его лекция, в пересказе Фейерабенда:

«Первая лекция начиналась с фразы, которая стала потом впоследствии знаменитой: “Я – Профессор Научного Метода, но у меня есть одна проблема: научного метода не существует”. “Однако, – продолжает Поппер, – есть простые практические правила, и они довольно полезны”. Например, давайте предположим, что мы хотим объяснить грозу тем, что ее послал Зевс. Является ли это объяснение хорошим? Это как сказать. Предположим, кто-то спрашивает нас, откуда мы знаем о существовании Зевса? Ответ: “Вы что, грозу не видите?” неудовлетворителен, так как содержит логический круг. Существуют ли сейчас похожие стратегии? Да, объяснения ad hoc. Как может быть устранен логический круг в объяснении? Следует убедиться в том, что объяснение шире, чем ситуация, которую нужно объяснить. Объясняющие принципы также должны иметь некоторую связность – лучше всего это достигается введением новых сущностей, таких, как силы, поля, частицы и так далее. Эти новые, ранее неизвестные сущности вводятся специально для того, чтобы объяснить известные явления, то есть получается, что мы объясняем известное при помощи неизвестного, а не наоборот, как часто утверждается. Поппер продолжал в том же духе, намеренно тривиальном или парадоксальном» [Фейерабэнд 2021: 155–156].

Аргументация Поппера намеренно тривиальная, она даётся для того, чтобы подвести сложное явление под простую логическую схему. Поэтому собственно первая философия, метафизика, она же и последняя (как и рыба, которая бывает, как известно, только первой свежести) в расчёт не берётся. Потому что метафизические суждения нельзя ни доказать, ни опровергнуть с помощью логических схем анализа. Они не подвергаются фальсификации. Поэтому они – не научны. Не будем здесь углубляться в дискуссию о том, как и почему сменился предмет философии и способ философствования со времен Б. Рассела и Венского кружка, полагававших метафизические суждения не имеющими смысла и не научными. Сошлёмся на давно известные аргументы и дискуссии на этот счет, в том числе на наши работы [Смирнов 2021].

Но именно такой способ логической аргументации, в которой смешаны и перепутаны (несмотря на стремление к ясности) всё и вся, включая мифологию и здравый смысл, и специально не вводится различение онтологических оснований для разных типов мышления и сознания (мифологический, художественный, научный, философский, исходящие из разных онтологических установок)⁵, именно такой способ рассуждений удобен, заманчив и провокативен. И потому идея фальсификации так заманчива, и я, пишет Фейерабэнд, поддался её соблазну, поскольку нас окружает множество опасных философий. Они опасны тем, что содержат в себе элементы, которые парализуют наше суждение. Рационализм, однако, хоть критический, хоть догматический, не является исключением. Достижения позитивных наук, на которые он опирается, работает на рост его авторитета. Он обещает построение универсального метода и универсальных способов доказательств, что создает дополнительную

⁵ См. также нашу работу о понятии и видах онтологических установок [Смирнов 2020].

магию всесильности. А Поппер добавил к этому ещё один парализующий ингредиент – простоту [Фейерабенд 2021: 158].

Так вот, замечает Фейерабенд, с помощью метода фальсификации Поппер мог разрушить самые уважаемые научные теории. Но если упорно и безоговорочно применять доктрину фальсификационизма, то она уничтожит вообще науку в том виде, в каком мы её знаем [Фейерабенд 2021: 159]⁶.

Фейерабенд приводит пример с византийской иконописью. В её рамках были выработаны вековые стандарты письма, по которым писались образы святых на иконах. По этим стандартам иконописец знал о цветах и размерах, на которые он должен был ориентироваться и согласно им писать фрески и иконы.

Примерно также поступал и Поппер. Он выработал стандартные схемы рассуждений, согласно которым он производил на свет своеобразную «византийскую науку». Но результаты такой науки весьма далеки от реальной науки Ньютона, Фарадея, Максвелла, Дарвина, Эйнштейна, Бора и др.

В общем Фейерабенд очень быстро освободился от попперианства и фактически работал, скорее, как витгенштейнианец, нежели как попперианец. Он в этом и сам признаётся. Упомянутая нами Элизабет Энском дала ему рукописи своего учителя. В том числе фотокопию «Замечаний об основах математики». Пол счёл её восхитительной. Также он прочитал только что вышедшую работу «Философские исследования»⁷. Он попытался из неё сделать что-то вроде концептуального конспекта, с тем, чтобы он выглядел именно как некая теория, а не как набор фрагментов или обрывков черновика недописанного романа. Фейерабенд переработал текст Витгенштейна, переструктурировал его и представил в виде концептуальной выжимки. Так она потом и вышла в публикации 1955 года.

Коллеги и друзья побуждали его быть верным попперианцем. Да, идеи и методы работы Поппера были соблазнительны, признаётся Фейерабенд. И он уже попал под их очарование. Но уж не настолько он был ими заморожен, чтобы становиться членом религиозной научной секты. Почему я должен вести себя так, как будто идея фальсификационизма – это священная скрижаль? Да, я был благодарен ему, как благодарен и другим учителям (тому же В. Крафту). Но «здесь я, кажется, вступал в царство религиозного пиара, групповой динамики или интеллектуальной жадности – и все это было не по мне» [Фейерабенд 2021: 171]⁸.

⁶ См. также об этом в его главном труде «Против метода»: «Строгий принцип фальсификационизма или “наивный фальсификационизм”, как называет его Лакатос, уничтожил бы известную нам науку и никогда не позволил бы ей начаться» [Фейерабенд 1986: 317–318]. Заметим, кстати, что основное острие размещённой в ней критики было направлено именно против тотального распространения метода фальсификации, то есть в сущности против Поппера и против попыток его учеников превратить попперианские научные методы и идеи в вариант религиозного учения, в нечто вроде религиозной доктрины. Подобная процедура тотального распространения научного метода на все сферы жизни, даже на политику и частную жизнь может удовлетворить лишь философа-доктринера [там же, с. 316].

⁷ «Философские исследования» Л. Витгенштейна вышли в 1953 году.

⁸ Судя по всему, то, что Фейерабенд не стал попперианцем, отразилось и на том, что в своей интеллектуальной автобиографии «Неоконченный поиск» К. Поппер ни разу не упомянул имени Фейерабенда. Ни разу! Его как будто и не было [Поппер 2014].

Наоборот, если говорить о методе работы самого Фейерабенда, о его установке, его способе мыслить парадоксами, он был близок к Витгенштейну. В каком-то смысле, признаётся Пол, я стал винтгенштейнианцем или номиналистом, если использовать более традиционный термин [Фейерабэнд 2021: 165].

Кстати, Поппер попросил его перевести на немецкий язык свою книгу «Открытое общество». А В. Крафт пригласил его писать статьи по методологии науки для французской энциклопедии, а Библиотека Конгресса предложила ему делать обзоры научной и интеллектуальной жизни Австрии. Будучи жадным задавакой (по принципу – «а слабо?»), Фейерабэнд принял сразу все три предложения. Вдобавок ему были нужны деньги.

Но опять встала проблема смысла и горизонта: он нахватал себе работ, заказов, внешних обязательств, увеличивая свою занятость так, чтобы продохнуть было некогда. Но он так и не понимал себя – чем он собирается заниматься в дальнейшей перспективе? Вдобавок он продолжал практиковать своё пение, участвовал в концертах, выступал в качестве солиста. А также успевал приударить за несколькими женщинами сразу⁹.

В общем, он продолжал убивать время, заниматься одновременно всем и ничем. И решил сразу написать заявки на несколько работ сразу. Одну – в Оксфорд, другую – в Бристоль, третью – в Австралию. Поппер и Шрёдингер дали свои рекомендации. И в 1955 году его пригласили в Бристоль. С тех пор начинается то, что называется «моя карьера» [Фейерабэнд 2021: 177].

Надо сказать, его талант певца действительно создавал ему ситуацию выбора. Он мог обойтись без своей философии, мог стать известным певцом. А мог стать музыкальным критиком или театроведом. Главным было для него не само по себе то или иное занятие, а получение силы, удовольствия и потрясения от занятия любимым делом. Последним могло быть в принципе что угодно. Просто он оказался талантлив в своём голосе. Он переживал потрясение и радость именно от пения, гораздо бóльшую, нежели радость, которую он получал от занятий философией.

«Читатели, которым ведомы только интеллектуальные удовольствия, с трудом могут представить себе радость от использования натренированного голоса, который силен и в то же время красив. <...> Когда я было в наилучшей форме, я мог делать со своим голосом почти что все. Я мог отпускать его, мог приструнить, мог выдать нежнейшие пианиссимо и мог повышать громкость, не чувствуя, что приближаюсь к пределу. Пение дало мне ощущение великой силы. Мой голос также хорошо разносился; тихо ли я пел, громко ли, в большом концертном зале меня было слышно повсюду. И голос мой был прекрасен – по крайней мере, до поры, пока я хорошо о нем заботился. Ни одно интеллектуальное достижение не может дать мне такой радости, какую доставляет использование такого инструмента» [Фейерабэнд 2021: 146–147].

Ощущение великой силы! А его голос – тот могучий инструмент, дающий ему эту силу. С этим могла сравниться только сила мысли, её страсть, её радикальность, её беспределность. В этом сугубо личном соревновании с самим

⁹ Не ясно при этом, каким образом он мог обворожить женщин, если был импотентом и ни разу, как он сам признаётся, не испытывал оргазма. Но он изобрел свои приёмы и способы соблазнения. Он был хорошим актёром.

собой он так окончательного выбора и не сделал. Пожалуй, лишь состояние здоровья, тяжелое ранение на войне, не позволили ему быть активным в карьере оперного певца. Поэтому всю силу и страсть своей личности он обратил на интеллектуальное занятие, в котором кстати также не знал удержу. Он в этом плане сравним (если это позволительно так делать) с методологом Г. П. Щедровицким, который был также всеяден, перерабатывал тонны научной литературы и выстраивал свою методологию, считая, что век науки проходит [Щедровицкий 1997]¹⁰.

Автономность и независимость личности, охраняемые им, его почти абсолютное, доходящее до фанатизма желание быть свободным от какой бы то ни было научной корпорации, подтверждается в течение всей жизни, начиная с того, что он не стал попперианцем, и кончая, например, тем, что встречи с разными маститыми и великими мэтрами мировой философии никак не влияли на его выбор очередного витка своей личностной траектории.

Например, будучи в Лондоне, он познакомился с Мартином Бубером и его супругой Маргарет Бубер-Нейман. Маргарет искала переводчика для того, чтобы переводить лекцию своего великого мужа, приехавшего в Лондон. Коль скоро Пол был двуязычен (родной немецкий и уже добротный английский), его порекомендовали в качестве такового. Они встретились в гостинице. В содержание речей М. Бубера, по его признанию, он не мог вникнуть, настолько они были разными. «Мне следует переводить дословно или передавать атмосферу?» – спросил Пол у Бубера. Тот сразу ответил: «Атмосферу!» [Фейерабенд 2021: 169]. Задача! Перевести атмосферу невозможно. Мы не знаем, справился ли он с такой задачей.

Между ними не могло быть встречи и диалога. Как не было диалога и между М. Бубером и К. Роджерсом, по приглашению которого в 1957 году Бубер приезжал в США для того, чтобы обсуждать так называемый клиентоцентрированный диалоговый метод в психотерапии Роджерса [Бубер 1994].

В итоге в Оксфорд и в Австралию его не взяли. А вот работу в Бристоле он получил. Теперь, блаженствует Пол, моё будущее будет безоблачным на целых три года вперёд. В том возрасте, пишет он, этот срок казался ему целой вечностью. Бедный малый! Вообще-то ему был уже 31 год. И войну прошёл. Что-то уже повидал. А рассуждает как подросток.

Режим работы и отдыха был весьма либерален. Он должен был читать курс по философии науки в течение десяти недель, по одной лекции в неделю.

¹⁰ По своим методологическим установкам и интенциям они были близки – Щедровицкий, Фейерабенд и большой друг последнего – Имре Лакатос. Правда, имени Фейерабенда в работах Щедровицкого мы не найдём. А вот имена Поппера и Лакатоса активно присутствуют. На одной из его лекций в 1986 году в Новосибирске автор этих строк слышал, как на вопрос из зала – какого автора он был порекомендовал почитать, тот сразу ответил: «Читайте Имре Лакатоса. Его идея научно-исследовательских программ – очень сильная идея». Но мы же понимаем, что цитирование или отсутствие такового не является признаком наличия или отсутствия идей одного автора в мышлении другого автора. Они были близки в мировоззренческих установках и позициях, хотя и не знали друг о друге. Кстати, уже давно сделаны различные попытки сравнения идей и подходов Щедровицкого в эпистемологии, философии и методологии науки с трудами и идеями таких западных авторов, как М. Фуко, И. Лакатос, Дж. Ролз, Ю. Хабермас и др. [Познающее мышление 2004; Чтения 2004].

Плюс (редко) – семинары с коллегами. Остальное время было свободным. Теперь его время было поделено между чтением книг, прослушиванием радио, чтением лекций, семинаром для сотрудников, редкими свиданиями, приёмными часами и театром [Фейерабенд 2021: 183].

Он продолжал поглощать книги, по 5-6 штук в неделю, причем все подряд. Но однажды новизна опять прошла, все статьи были написаны, все доклады прочитаны, и он просто не знал, куда себя деть. Мог бы выступить в театре. Часто влюблялся. Но его не оставляло чувство тревоги, чувство чего-то не настоящего в его жизни. Редко, но точно в его рассказе появляются строки откровения и рефлексивных раздумий о смысле жизни и о том, зачем он занимается тем, чем занимается.

«По всей видимости, меня интересовало слишком многое, и я не хотел, чтобы меня задвигали в какую-то нишу. Я пережил долгие периоды одиночества и скуки, блуждая по городу днями и ночами и надеясь, что кто-нибудь – предпочтительнее, чтобы это была женщина – приведет мою жизнь в порядок. Позже, уже в Калифорнии, моя непоседливость приобрела межконтинентальный характер – работая там, я брал себе еще одну работу, а затем и следующую, так что вскоре большую часть времени я проводил в воздухе. Внешние вызовы окрыляли меня – и я увядал, когда вынужден был возвращаться восвояси. Почти год я ежедневно принимал секонал и спал дни и ночи напролет, за исключением собственных лекций и уроков пения. Я в буквально смысле “убивал время”. Может быть я ждал, что моя жизнь вот-вот начнется, возможно, завтра или на следующей неделе, или в следующем году и все встанет на свои места. Тем не менее посреди всей этой пустоты я писал статьи и очерки...» [Фейерабенд 2021: 185–186].

Это не привычно – слышать от западного интеллектуала слова, которые обычно приписывают русскому интеллигенту, изнывающему от классической болезни – русской хандры.

Вдобавок его постоянно мучили боли – следствие тяжелого ранения. Он принимал обезболивающие, подчас в пятикратном размере, его просто мутило от них. Но такая физиология разворачивается на фоне душевного раздвоя. Вроде человек занят под завязку, востребован. Его приглашают на разные работы и должности, а он вынужден признать, что он убивает время и всё ждет – когда же придёт настоящий день, когда начнётся-таки по-настоящему его жизнь. А до этого он как бы ещё и не жил? А что, его любимые занятия, пение и философия (шире – интеллектуальная активность) – это ещё не его настоящая жизнь?

Когда же придёт настоящий день? Он придёт. Но новый день застанет нас неготовыми. Так писал молодой Лев Выготский в 1917 году.

Поэтому спустя три года пребывания в Бристоле он с радостью принимает предложение из Калифорнии провести учебный год в Беркли. Судя по всему, не только география, но прежде всего поиск чего-то более осмысленного, настоящего дела, толкает его на то, что он, не задумываясь, собирает вещи и уезжает. В Бристоле его ничто не держит. Попперианцем он не стал. Очередная любимая женщина от него ушла. За океан!

Ненастоящий австриец

Он был странным австрийцем. Его трудно назвать деятелем австрийской или даже немецкой культуры¹¹. Хотя он и вырос на классической литературе, опере и театре, то есть на мировых образцах. Родители его боялись выпускать на улицу, он сидел дома, читал книги, изредка выходил из дома, чтобы сходить на урок пения или в оперу. Он не был уличным мальчишкой. Говорил не на венском говоре, а на нейтральном литературном немецком или даже на его сценическом варианте немецкого с прусским акцентом. А с тех пор, как уехал в Лондон с 1951 года – прожил в англоязычных странах 40 лет, из них 32 года в США, став и вовсе таким атлантистом.

Такой непривычный уроженец Вены, австриец, ставший фактически трансконтинентальным атлантистом-философом. Его это устраивало. Наука и философия науки, которой он занимался, была трансграничной и большей частью англоязычной. Ведь законы физики и математики также трансграничны. Америка же его более всего привлекала, поскольку она оказалась

«первой страной, которая дала мне смутное представление о том, какой вообще должна быть культура. И под американской культурой я не имею в виду Торо, Дьюи, Джеймса, Стивенса или Генри Миллера – я подразумеваю Голливуд, водевиль, мюзиклы, рестлинг, мыльные оперы, стенд-ап, Спиллейна, Чендлера, Хэммета, – одним словом, я говорю о шоу-бизнесе и легком чтиве <...>, я бы добавил к этим ингредиентам культурное и расовое разнообразие» [Фейерабенд 2021: 195–196].

Удивительный выбор. Надо было вырасти на венской опере, заниматься классикой и вокалом, чтобы потом говорить о настоящей культуре в виде чтива и шоу-бизнеса. И здесь он встретил настоящее культурное разнообразие. В Европе же, куда он не желал более возвращаться, он почему-то чувствовал «монохромность ее населения». Это Вена и Европа в целом оказались для него однообразными, монохромными! Где же вся её музыкальная, театральная, оперная классика, которую он обожал и на которой вырос? Очередной странный вывих личности.

С этого времени он фактически, как он сам выразился, жил в воздухе, то есть между континентами, перелетая с места на место, работая в Окленде, Берлине, Йеле, Сассексе, Касселе, Беркли, Лондоне, Стэнфорде, всюду был по несколько месяцев, затем увольнялся и снова работал. Параллельно продолжал снова петь, участвовал в разных концертах, успевал быть на премьерах спектаклей, концертов, фестивалей. И во всех городах он был завсегдатаем опер, театров и концертных залов, был лично знаком с разными звездами оперы и театра.

«Мне поступали предложения из Лондона (заведовать кафедрой философии науки), из Йеля (профессура по истории науки), из новозеландского Окленда (философия науки). Меня пригласили в качестве научного сотрудника в Оксфордский колледж всех душ, кроме того я переписывался с эко-

¹¹ В отличие от великих австрийцев, уроженцев Вены (З. Фрейда, Р. Музиля и др.). Кстати, так же язык не поворачивается назвать еще одного уроженца Вены Л. Витгенштейна, представителем австрийской культуры или австрийским философом. Такой же атлантист, трансконтинентальный философ.

номистом и философом Фридрихом фон Хайеком о возможной работе во Фрайбурге. <...> Один семестр я уже проводил в Беркли, один в Лондоне, снова семестр в Беркли и так далее. Работая в Лондоне, я на одну неделю летал читать лекции в Берлин. В 1968 году я вклинил в это расписание семестр в Йеле. В летнее время на севере я летал в Окленд, чтобы провести там зимний семестр» [Фейерабенд 2021: 221].

И такая мобильность при том, что он был вообще-то инвалид. Однажды он настолько выбился из сил, что не мог стоять в аудитории на своих костылях.

Обычно читал два стандартных курса по общей философии и по философии науки, также руководил своим семинаром. К лекциям фактически не готовился. Делал несколько тезисов и дальше полагался на то, что его выручит чистая риторика.

В качестве материала для разговора на лекции или на семинаре мог выбрать всё, что угодно – диалог Платона «Теэтет» или что-нибудь из Аристотеля, или Галилея. А сам способ философствования заключался в том, чтобы, взяв некий материал из науки, из физики, математики или какое-нибудь положение из классического автора, затем развернуть рассуждение по его поводу.

Фактически философствование у Фейерабенда, как и многих других представителей аналитической философии сводилось к повествовательному дискурсу относительно того, например, соизмеримы ли научные теории, могут ли они считаться опровергнутыми, насколько истинны те или суждения, насколько они логичны и можно ли вывести те или иные правила из тех или иных научных открытий. И все это называется философия науки.

Континентальному, особенно русскоязычному философу трудно этот нарратив называть философией. Тем не менее определенные методологические достижения были сделаны.

Но не о них речь. Именно благодаря такому фактически околонучному дискурсу и стали героями такие авторы, как Фейерабенд, больше похожие на ковбоев, нежели на ученых и философов. Но он в отличие от многих других интеллектуальных болтунов, понимал и признавал, что по большому счету он и все остальные философы науки несут чушь и имеют дело с около научными химерами. Реальной наукой, научными экспериментами они не занимаются. Настоящих методологических концепций они не строят. Они кормятся около науки, комментируя научные открытия А. Эйнштейна или Нильса Бора. Философией они также не занимаются, отвернув её в принципе, полагая, что она не научна, потому что философские суждения нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Но на околонучном дискуссионном поле эти разговоры методологов науки имели всё же смысл в части, касающейся выработки каких-то определённых правил игры, выработки некоего этоса науки, понимания социальной и культурной роли науки как института. В результате чего и вышли в свет такие работы, как «Структура научных революций» Т. Куна или работы И. Лакатоса. Именно этих авторов Фейерабенд больше всего ценил и уважал, а с последним он просто дружил. Ему именно и была посвящена его главная работа «Против метода».

Они были очень разными, Пол и Имре, признавался Фейерабенд. И по характеру, и по внешности, и по амбициям. Но несмотря на это, крепко дружили. Фейерабенд чувствовал, что рационализм Имре Лакатоса является не след-

ствием его убеждений, а политическим инструментом – он его использовал по необходимости. Он искренне восхищался Поппером и хотел даже создать движение вокруг его философии. Но постепенно он в нем разочаровался [Фейерабенд 2021: 226–227].

Однажды в течение всего семестра в Беркли Фейерабенд даже читал курс по церковной догматике, не будучи богословом. Он прочёл все книги (по его словам) по предмету и особенно внимательно проштудировал Адольфа Гарнака. Он полагал, что «развитие церковных догматов весьма схоже с развитием научной мысли» [Фейерабенд 2021: 239].

Вот такой выверт. Разговор о церковных догматах он приравнял к дискуссии о научных доктринах. Для него научная доктрина сравнима с церковным догматом. А как же вопрос о вере? Проблема веры и личного богообщения не обсуждается. В таком случае он так и будет бегать как белка в колесе, по порочному кругу псевдонаучных дискуссий о догматике. И почему-то даже не обсуждается вопрос о том, что вырваться из этого замкнутого круга возможно лишь при включении личного усилия – как усилия веры, так и усилия мысли. Ведь вера как реальность, как факт личной жизни возможна лишь при совершении акта веры. В акте веры она и присутствует. Как и мысль – в акте мысли. Как и любовь – в акте любви. А шанс у него был, точнее, он появился, но уже потом, много позже – когда он встретил любимую женщину, Грацию. Но жизнь была уже прожита.

Его занятость на грани одержимости была связана фактически с поиском новых и более свободных форматов и жанров научных коммуникаций и научного дискурса, он выступал против всякой тиранической и окаменелой формы. Но при всей активности и трансатлантической занятости он пишет в своём дневнике: «День проходит за днем, и зачем следует жить, непонятно» (запись 10 мая 1967 г.) [Фейерабенд 2021: 239]. Убийство времени продолжалось.

Против метода

И вот, накопив достаточное количество статей, наш герой вознамерился-таки опубликовать их в виде единой книги. Её трудно назвать книгой, он сам признаётся, что это скорее коллаж, собранный из разных текстов. К нему обратился издатель и предложил ему опубликовать сборник статей. Имре Лакатос эту идею поддержал. И он начал «стряпать» свою книгу.

Она посвящена его другу Имре Лакатосу. Это известно. Их споры и разговоры начались с 1964 года. Известно также, что Лакатос не застал её выхода, скоропостижно скончавшись в 1974 году. А идея создания книги была неплохая. Фейерабенд сам пишет в предисловии к книге, что она фактически должна была состоять из его переписки с Имре. И так в диалоговом режиме они бы и вели разговор о судьбах науки. Но не случилось. В результате, пишет Пол, она получилась таким «длинным и в значительной степени личным письмом» Имре Лакатосу, в его память, в котором каждая резкая фраза была написана в расчёте на то, что на неё будет дан ещё более резкий ответ» [Фейерабенд 1986: 126]¹². И хотя в книге отсутствует ответ человека, которому она адресована, она всё же стала событием в интеллектуальной западной мысли.

¹² Не лишним будет напомнить, что Имре Лакатос после войны учился в аспирантуре в МГУ, его руководителем была известная математик С. А. Яновская. В 1950 году он

Мы не будем пересказывать саму книгу. Она слишком известна, давно переведена на разные языки и растаскана на цитаты. Нам интересно то, как сам автор оценивает своё детище.

В своё время Гёте оценивал свою бессмертную поэму «Фауст» как мало значащий для него продукт, не достойный такого пристального внимания. Гораздо важнее для него были его научные изыскания, например, учение о цвете или труды по морфологии растений, в рамках которых он ввёл понятие протофеномена (или прафеномена, то есть проторастения, *Urphänomen*), ставшее фактически предтечей всей феноменологии XX века. Его позже взял на вооружение П. А. Флоренский, выстраивающий свою «антропологию в гетеранском духе».

Так вот. Фейерабенд относился также к своему *Magnum Opus* – как к такому мало значащему коллажу, собранию текстов, в котором он просто высказал свои соображения, сводящиеся к ряду базовых тезисов вокруг главного вопроса – что есть наука и в чём заключается ценность науки?

Вывод был неутешительный. Наука становится и уже стала фактически церковным институтом, а научные учения и доктрины – формой или видом верований, или новой мифологией. А ученые стали кастой жрецов, защищающей чистоту своих рядов.

Но мировые элиты видят в науке институт власти и потому ставят на неё, вкладывая огромные деньги на научные проекты, которые вообще-то в основном идут по линии оборонного ведомства. Научное знание стало видом оружия, направленного на управление массовым сознанием и уничтожение несогласных.

«Дело не в том, что шайки интеллектуальных паразитов разрабатывают свои убогие проекты на средства налогоплательщиков и навязывают их молодому поколению в качестве “фундаментальных знаний”. Дело не в том, что эти шайки захватили целые научно-исследовательские институты и определяют, кто может войти в их круг и пользоваться средствами налогоплательщиков» [Фейерабенд 1986: 132, прим. 6].

Дело в том, что тем самым под лозунгами о развитии науки, о производстве научных знаний во благо человека протаскивается на самом деле идеология господства элит, опирающихся на какие-то научные программы, хотя за этим стоит всего-навсего элементарная борьба за власть и кормовые места. А если так, то в принципе в угоду развития науки вводится подспудно принцип «допустимо всё», «всё возможно» (*anything goes*)¹³. А поэтому сама наука – это в сущности самое настоящее анархистское предприятие, позволяющее себе любые аргументы в пользу доказательства своих мифов. Поэтому пора

перебрался в Венгрию. В 1956 году из-за венгерских событий эмигрировал на Запад и осел в Великобритании. Один из наших героев, Г. П. Щедровицкий, как мы уже сказали выше, высоко ценил его идею о научно-исследовательских программах, считал его работу «Доказательства и опровержения» очень изящной, написанной как настоящее произведение искусства. Они даже могли бы встретиться в МГУ в 40-х годах. Не довелось. Но известно, что сохранилось маленькое письмо Лакатоса Щедровицкому в ответ на рецензию последнего его работы [Познающее мышление 2004: 113–114].

¹³ Это выражение может переводиться в разных вариантах: «все сгодится», «все сойдет», «все дозволено». А вот в авторизованном немецком издании Фейерабенд этот оборот привел по-другому: “*mach, was Du willst*”, то есть, «делай, что хочешь» [Фейерабенд 1986: 142].

забыть об истине, добре и зле, а пора признать, что ради доказательства той или иной теории (за которым стоит борьба за новые заказы) или научной парадигмы ученые группы готовы доказать всё, что угодно, мимикрируя свои потуги под борьбу за истину и опираясь якобы на факты. В то время как ни одна теория никогда не согласуется со всеми известными в своей области фактами. Факты формируются прежде всего *идеологией* [Фейерабенд 1986: 186 и др.].

Но тем самым наука гораздо ближе к мифологии, чем это может показаться. Это одна из форм мышления, причём далеко не самая лучшая. Поэтому следует не только отделить церковь от государства (что уже сделано, хотя слабо, здесь больше деклараций, чем реального положения дел), но следует также отделить государство от науки – этого «наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института» [Фейерабенд 1986: 450 и др.].

Одним из главных мотивов написания ПМ, признаётся Фейерабенд, было желание освободить людей от «тирании философов-обскурантов» и от «деспотизма абстрактных понятий» – таких, как истина, реальность, объективность, полагая, что жонглирующие этими абстракциями учёные мужи на самом деле обеспокоены не истиной, а правом манипулировать чужим сознанием.

Фейерабенд это увидел и показал публично. Точнее, это видели все, но не все решались так открыто про это говорить. Но Фейерабенд не из молчунов. Он дал себе право высказаться, собирая свой коллаж. Так Пол и поступил. Он собрал разные интересующие его события из истории науки, *«придал этим событиям нужную последовательность, добавил переходы, заменил умеренные пассажи более возмутительными и окрестил получившееся в итоге “анархизмом”. Мне нравилось шокировать людей, а кроме того Имре хотел отчетливого конфликта, а не новых оттенков серости»* [Фейерабенд 2021: 244–245].

В итоге его труд больше похож не столько на эпистемологический трактат, сколько на социологический и идеологический манифест, в котором предлагается науку в целом как институцию держать под контролем общества. Наука – вовсе не «открытое» и «свободное» предприятие, о котором мечтают философы. Большую роль в ней играют соображения заработка, гонка за Нобелевской премией и другими благами. Ведь научные учреждения суть продукты деятельности научных сообществ, они смешиваются с другими традициями и сообществами, образуя социальные и культурные миксы и гибриды, в результате чего мы видим пугающее сходство между научными теориями, рекламными роликами, языком международных торговцев, философов, политиков и самыми грубыми инстинктами. Эту тему Фейерабенд продолжил в своей следующей работе «Наука в свободном обществе» [Фейерабенд 1986: 467–523]. Он приводит в автобиографии отрывок из неё:

«Восхваления благородства, патриотизма, истины, рациональности, честности, которые звучат в наших школах, церковных храмах, на встречах политиков, незаметно превращаются в бормотание, а произносящие их люди становятся неотличимы от хрюкающих свиней» [Фейерабенд 2021: 248].

Фейерабенд подтверждает, что и сам сборник «Против метода» он пытался представить не как научный умный трактат, а как легкое чтение, написанное на естественном языке обыденной жизни. Так же была написана и эта автобио-

ография, не отличимая от автобиографии какой-нибудь поп-звезды или газетного магната, или успешного продюсера из Голливуда.

Книгу он закончил за год. А после выхода из печати начались мучения. Она ведь всего лишь книга, а не священное писание, замечает сам автор. Но его речи и выводы в книге смутили многих читателей. И он пожалел, что написал эту книгу: «<...> я часто жалел, что взялся за эту проклятую книгу» [Фейерабенд 2021: 254]. Некоторые хвалили его за критику догматизма в науке, а некоторые объявили его «злейшим врагом науки».

Шли годы. После многих лет метаний по континентам он решил вновь осесть в Европе, и не где-нибудь, а в Швейцарии. Он подал заявку в Цюрихский политех. Тамашнее руководство запросило рекомендации и получило целый веер оценок:

«У Фейерабенда репутация непоседы».

«По всей видимости ему нравится коллекционировать предложения о работе».

«Он бесноватый, склонен к *success de scandale* и многих коллег довел до иступления».

«Я бы ни при каких обстоятельствах не взял его в Цюрихский политех» [Фейерабенд 2021: 269–270].

Тем не менее его взяли. И сбылась мечта трансконтинентального философа – вдруг успокоиться и осесть у Цюрихского озера, перемещаясь изредка между Беркли и Цюрихом. Его работа теперь заключалась в том, чтобы заполнить четыре часа в неделю разговорами и дискуссиями, используя материал из диалогов Платона или «Физики» Аристотеля, или из учения Гёте о цвете, перемешивая рассуждения изрядной долей самоиронии и цинизма.

«Я никогда не помышлял о себе как об интеллектуале, тем более – как о философе. Я занимался этим делом, потому что за него платили, и я до сих пор продолжаю это делать – частично по инерции, частично потому, что мне нравится рассказывать истории – на бумаге, по ТВ, перед живой публикой. Мне всегда нравилось рассказывать практически обо всем на свете» [Фейерабенд 2021: 280].

В конце жизни он женился. Он встретил Грацию в 1983 году. Она была одной из его студенток. Ему уже было 59 лет. Она хотела иметь детей. Он пытался излечиться от своей импотенции, но безуспешно. Детей они не завели. Но тема любви и сердечной привязанности выходит в его рассказе на первый план, становится постоянной.

«... когда я задумываюсь об остатке своих лет, <...> мне становится ясно, что у меня все-таки есть сильные привязанности – не к абстрактным предметам, не к уединению или к интеллектуальным достижениям, а к живому человеку, и что в конце концов я научился тому, что значит любить» [Фейерабенд 2021: 291].

И теперь, в конце жизни, он признаётся, что на самом деле все эти интеллектуальные игры, научные достижения, стремление что-то сделать в рамках профессии, будь то физика или философия, всё это не исчерпывает нашей жизни, и что сумма наших трудов и поступков не составляет нашу жизнь. Эти деяния подобны мусору на поверхности океана. Читать лекции и писать статьи – одно дело, весьма поверхностное. А жить – дело другое, и я советовал сту-

дентам искать центр тяжести в жизни вне какой-то профессии. А думать про интеллектуальную собственность, публикации, индексы цитирования, стандарты научной жизни, пыжиться искать цитаты и делать ссылки, стараться давать точную ссылку на самый незначительный «интеллектуальный пердеж» – занятие не самое интересное [Фейерабенд 2021: 296].

Потому что главную роль в жизни играет любовь и дружба, без которых самые благороднейшие достижения и фундаментальные правила становятся блеклыми, пустыми и опасными.

Моральные качества личности, способность любить – это дар, он не создается научным аргументом, образованием или актом воли. Настоящая любовь – дар, а не достижение. Поэтому мы должны предлагать не принципы, а любовь и безопасность.

Заключение

Ян Хакинг называл его иконоборцем науки (iconoclast) [Hacking 2000]. Это трудно сочетается с его любовью к классическому искусству, музыке, опере, несущих образцы, смыслы и ценности жизни.

Тем не менее. Уехав в США, он стал предпочитать шоу-бизнес, мюзиклы и рестлинг, разного рода стендаперство, бурно развившееся в послевоенной Америке. Стендап стал жанром вообще всякой активности¹⁴. Человек выходит на сцену (на трибуну, на концерте или в аудитории) и здесь-и-теперь смешит, развлекает публику (разную, в том числе и научную, и студенческую) разного рода байками, большей частью в жанре импровизации, допуская те фривольности в выражениях, за которые отдадут под суд, как это и было со стендап-комиками.

Фейерабенд фактически тоже стал таким стендап-философом, с вечно не закрывающимся ртом, затевающим интеллектуальные драки и потасовки, эпатируя публику выступлениями и книгами, срывая привычные нормы, догматы и стандарты научной коммуникации и аргументации.

Вот и автобиографию свою он написал так, что она больше похожа на мемуары какого-то шоумена, поп-звезды, модного продюсера, а не философа. Разницы в принципе нет. Этакый коллаж, состоящий из разнообразных историй, эпизодов, случаев, откровений интеллектуала, не способного жить без скандала.

Да, это не привычно, не стандартно, это провоцирует, задевает. Мы видим перед собой этакого трансатлантиста-стендапера-философа, совершенно не похожего на остальных учёных мужей, надувающих щеки от своей учёности. Но что остаётся от такого бесконечного стендапа? От этих постоянных интеллектуальных хлопущек, фейерверков, скандалов, вывертов? Да, они пробуждают от догматического сна. Но что взамен? На чём сердце успокоится?

Оказывается, этот скандалист дома в семье с любимым человеком был нежным и чутким. Впрочем, как это обычно и бывает. А то, что он творил в публичном интеллектуальном пространстве, его самого эти вспышки и клоунада на самом деле не сильно беспокоили. Как не сильно беспокоит зверя следы, оставленные им на снегу. Он бежит дальше.

Биограф и историк науки Дж. Хорган замечает: «Фейерабенд атаковал науку не потому, что на самом деле считал ее не более значимой, чем астрология или религия. Совсем наоборот. Он атаковал науку, потому что признавал

¹⁴ От слова stand-up. Stand-up comedy – разновидность комедийного разговорного жанра.

(и был в ужасе от этого) огромное превосходство науки над другими способами познания. Его возражения против науки были скорее моральными и политическими, чем эпистемологическими. Он опасался, что наука, именно из-за своей огромной мощи, может превратиться в тоталитарную силу, которая сокрушит всех своих соперников» [Horgan 2016]. Получается, его кинизм – следствие страха перед научным монстром?

Его стендаперство можно понять по одной причине. Он был против всех и всяческих форм интеллектуального догматизма и тщеславия, в том числе и в научной деятельности. Он выступал против мании величия ученых мужей, полагающих, что наука может всё. Он фактически распространил феномен Освенцима (после которого мыслить, как ранее, уже нельзя, просто преступно и безнравственно) на все те тщеславные претензии, которые расцвели в послевоенное время в виде веры во всеислие научного знания. Поэтому в конце жизни в книге «Прощай, разум!» он пишет.

«Я говорю, что Освенцим – это крайнее проявление отношения, которое все еще процветает в нашей среде. Это проявляется в обращении с меньшинствами в индустриальных демократиях; в образовании, включая образование с гуманитарной точки зрения, которое в большинстве случаев состоит в превращении замечательных молодых людей в бесцветные и самодовольные копии своих учителей; это проявляется в ядерной угрозе, постоянном увеличении количества и мощности смертоносного оружия и готовности некоторых так называемых патриотов начать войну, по сравнению с которой холокост станет незначительным. Это проявляется в убийстве природы и "примитивных" культур, никогда не задумываясь о тех, кто таким образом лишен смысла своей жизни; в колоссальной тщеславии наших интеллектуалов, их вере в то, что они точно знают, что нужно человечеству, и их неустанных усилиях воссоздать людей по их собственному жалкому образу; в инфантильной мании величия некоторых наших врачей, которые шантажируют своих пациентов страхом, калечат их, а затем преследуют их большими счетами; в бесчувственности многих так называемых искателей истины, которые систематически мучают животных, изучают их дискомфорт и получают призы за свою жестокость. Насколько я понимаю, нет никакой разницы между приспешниками Освенцима и этими "благодетелями человечества"» [Horgan 2016].

В таком случае, что можно делать в этой ситуации «после Освенцима», когда ты понимаешь, что привычная 400-летняя традиция, связанная с развитием классической модели науки, основанной на естественнонаучной объективистской парадигме, завела в тупик самого человека, тешащего себя иллюзией свободы, добываемой с помощью научного знания, использующего его как орудие и оружие порабощения, – что может делать в этой ситуации отдельный интеллектуал, у которого в распоряжении лишь его голова, большое тело и какое-то понимание всего происходящего? Разве что действительно показывать язык, спасаться, как греческие киники, радикальным отрицанием достижений и подвергать все и вся сомнению и осмеянию, сбрасывая иллюзии всезнайства и тщеславное стремление все объяснить и описать с помощью логических и методологических подходов, доктрин, учений, концепций. Киник-стендапер Фейерабэнд это и выбрал, не слишком, кстати, утруждая

себя уходом в нравственные поиски и не становясь моральным философом, как это сделала его давняя подруга, ученица Витгенштейна, Э. Энском.

Поэтому и жизнь свою он воспринимает как череду странных случаев, эпизодов, несуразных, не претендующих на то, чтобы из этого рассказа делать какую-то теорию, концепцию, доктрину.

«Моя жизнь была результатом несчастных случаев, а не целей и принципов. Моя интеллектуальная работа составляет лишь незначительную её часть. Любовь и личное понимание гораздо важнее. Ведущие интеллектуалы с их рвением к объективности убивают эти личные элементы. Они преступники, а не освободители человечества» [Horgan 2016].

Свою автобиографию он заканчивает словами признания в любви. Признания в любви к своей Грации. Может статься, это мои последние дни, признаётся Фейерабенд. Его и раньше, и всегда не сильно беспокоило то, что останется после его ухода от его текстов, книг. Но вот что останется – так это любовь.

«Я беспокоюсь о том, чтобы после моей кончины от меня что-то осталось – не статьи, не окончательное философское заявление, а любовь <...>. Вот, что мне пришлось бы по душе – не интеллектуальное бессмертие, а бессмертие любви» [Фейерабенд 2021: 310].

Пусть будут эти слова хоть какой-то попыткой покаяния за ту не безгрешную жизнь, которую прожил этот буйный, неуживчивый и такой яркий и странный, не похожий ни на кого, Пол Карл Фейерабенд.

Библиография

- Бубер 1994 – Мартин Бубер – Карл Роджерс: диалог // Моск. психотерапевт. журн. 1994. № 4. С. 67–96.
- Крафт 2003 – Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. Москва, 2003.
- Познающее мышление 2004 – Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли / ред. Н. И. Кузнецова. Москва: Ф.А.С.- медиа, 2004. 544 с.
- Поппер 2014 – Поппер К. Неоконченный поиск. Интеллектуальная автобиография / Пер. с англ. А. Карташова. Москва: Праксис, 2014. 290 с.
- Смирнов 2021 – Смирнов С. А. Философский Давос как повод для развода. Версия М. Фридмана. Часть 1, 2. // Republica Literaria. Т. 2. № 1. С. 62–83; Т. 2. № 2. С. 50–73.
- Смирнов 2020 – Смирнов С. А. Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) // Философия науки. 2020. № 2. С. 3–20.
- Фейерабенд 2020 – Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография. Пер. с англ. В. Зацепина. Москва: Rosebud Publishing, 2020. 368 с.
- Фейерабенд 1986 – Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. Пер. с англ. А. Л. Никифорова. Москва: Прогресс, 1986. 542 с.
- Хайдеггер 2003 – Речи М. Хайдеггера 1933 – 1934 годов // Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с франц. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. Москва: Праксис, 2003. С. 245–269.
- Чтения 2004 – Чтения памяти Г. П. Щедровицкого. 2002 – 2003 гг. Доклады и дискуссии. Москва: Изд-во Шк. Культ. Полит. 2004. 288 с.
- Щедровицкий 1997 – Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. Москва: Шк. Культ. Политики, 1997. 656 с.

- Ясперс, 1999 – *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / пер. с нем. С. Апта. Москва: Прогресс, 1999.
- Ясперс, 1992 – *Ясперс К.* Хайдеггер (глава из «Философской автобиографии») // Ступени. 1992. № 3. С. 135–151.
- Hacking I. 2000 – *Hacking I.* “Screw you, I’m going home” // URL: <https://pkfeyerabend.org/wp-content/uploads/2013/02/Ian-Hacking-s-review-of-Conquest-of-Abundance.pdf> (дата обращения 15.09.2021 г.).
- Horgan 2016 – *Horgan G.* Really philosopher Feyerabend “Worst Enemy” science? // <https://blogs.scientificamerican.com/cross-check/was-philosopher-paul-feyerabend-really-science-s-worst-enemy/> (дата обращения 21.09.2021 г.)
- PFF 2021 – *Paul Feyerabend Foundation* // <https://www.pkfeyerabend.org/en/paul-k-feyerabend/> (дата обращения 15.09.2021 г.).

References

- Buber 1994 – *Martin Buber – Carl Rogers: Dialogue* // Moscow psychotherapeutic magazine. 1994. № 4. P. 67–96. (In Russ.).
- Craft 2003 – *Craft V.* Vienna Circle. The emergence of neopositivism. Moscow, 2003. (In Russ.).
- Cognitive Thinking 2004 – *Cognitive Thinking and Social Action.* G. P. Shchedrovitsky's legacy in the context of domestic and world philosophical thought / ed. N.I. Kuznetsova. Moscow: F.A.S.- media, 2004. (In Russ.).
- Smirnov 2021 – *Smirnov S. A.* Philosophical Davos as a reason for divorce. M. Friedman's version. Part 1, 2. // *Respublica Literaria.* Vol. 2. №. 1. P. 62–83; Vol. 2. № 2. P. 50–73. (In Russ.).
- Smirnov 2020 – *Smirnov S. A.* Ontological Prescription (to the question of the meaning of the concept) // *Philosophy of Science.* 2020. № 2. P. 3–20. (In Russ.).
- Feyerabend 2020 – *Feyerabend P.* Killing Time. An Autobiography / Transl. from Engl. by V. Zatzepin. Moscow: Rosebud Publishing, 2020. 368 p. (In Russ.).
- Feyerabend 1986 – *Feyerabend P.* Selected Works on Methodology of Science / Transl. from Engl. by A. L. Nikiforov. Moscow: Progress Publ., 1986. 542 p. (In Russ.).
- Heidegger 2003 – *Speeches of M. Heidegger 1933 – 1934* // Bourdieu P. Political ontology of Martin Heidegger / Transl. from French A. T. Bikbov, T. V. Anisimov. Moscow: Praxis Publ., 2003. P. 245–269. (In Russ.).
- Readings 2004 – *Readings in memory of G. P. Shchedrovitsky.* 2002 – 2003. Reports and discussions. Moscow: Publishing house Sh. Cult. Polit. Publ. 2004. 288 p. (In Russ.).
- Popper 2014 – *Popper K.* Unended Quest. An Intellectual Autobiography / Transl. by A. Kartashov. Moscow: Praxis Publ., 2014. 290 p. (In Russ.).
- Shchedrovitsky 1997 – *Shchedrovitsky G. P.* Philosophy. Science. Methodology. Moscow: Sh. Cult. Polit., 1997. 656 p. (In Russ.).
- Jaspers, 1999 – *Jaspers K.* The question of guilt. On the political responsibility of Germany / Transl. S. Apt. Moscow: Progress Publ., 1999. (In Russ.).
- Hacking I. 2000 – *Hacking I.* “Screw you, I’m going home” // URL: <https://pkfeyerabend.org/wp-content/uploads/2013/02/Ian-Hacking-s-review-of-Conquest-of-Abundance.pdf> (дата обращения 15.09.2021 г.).
- Horgan 2016 – *Horgan G.* Really philosopher Feyerabend “Worst Enemy” science? // <https://blogs.scientificamerican.com/cross-check/was-philosopher-paul-feyerabend-really-science-s-worst-enemy/> (дата обращения 21.09.2021 г.)
- PFF 2021 – *Paul Feyerabend Foundation* // <https://www.pkfeyerabend.org/en/paul-k-feyerabend/> (дата обращения 15.09.2021 г.).